

Русское православие: идеологическая конструкция и Интернет

Вера Кривушина

В статье на примере текстов Интернет-сайта Сретенского монастыря исследуется современная идеология русского православия. Для дискурсивного анализа православных текстов автор использует теорию Славоя Жижека. Глобальная компьютерная Сеть рассматривается как инструмент воспроизводства религиозного националистического дискурса. Православная идеологическая конструкция встроена в социально-исторический контекст формирования национальной идентичности постсоветского российского общества. РПЦ хочет занять место, значимое как в государственно-политическом, так и в культурно-символическом смысле, влиять на публичную и приватную сферы жизни современных россиян. С этой целью Церковь пытается проводить собственную политику в сфере масс-медиа, развивает религиозно-националистический дискурс, суть которого определяется эквивалентией «церковь — государство — нация», напоминающей уваровскую триаду «православие — самодержавие — народность». РПЦ претендует на роль инстанции, репрезентирующей «общую волю». Православный Бог и Русская Традиция оказываются «возвышенными объектами» и конституируют религиозно-националистическую идеологию.

В качестве точек пристрастия в православной идеологической конструкции функционируют понятия «личность», «закон», «равенство», «свобода», «разум», «демократия», «солидарность», «счастье», «правда», «истина», «любовь», «здоровье». Они наделяются особой идеологической метафорической избыточностью и представляют социальную действительность в качестве символического порядка. Идеологическими фигурами являются Ростовщик, Еврей, Католик, Сектант, Сатанист, Окультист, Раствитель, «принявшие» в себя серии разнородных антагонизмов. С помощью этих фигур православная идеология «объясняет» социальную действительность, мобилизует в идеологических целях интересы, страхи и тревоги субъекта, политические и социальные ресурсы и увеличивает свой символический капитал.

Вера Юрьевна Кривушина, аспирант факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Писать об официальном православии сложно. Испытываешь невольное моральное беспокойство, некоторое этическое замешательство — ощущение «осквернения святынь». Ведь с помощью рационального инструментария приходится расчленять религиозный феномен на отдельные аналитические категории и рассматривать то, что существует как нечто сокрытое, очень личное, чистое и таинственное. Велик риск задеть чьи-то религиозные чувства. Остается надеяться, что при внимательном вчитывании в предлагаемый текст заинтересованный читатель найдет в нем не очередное обвинение в «идеологическом обмане», а новую перспективу для анализа проблемы. Ибо я буду размышлять о современном православии как социолог, Русскую Православную Церковь (РПЦ) рассматривать как социальный институт.

С одной стороны, с религиозной верой ассоциируются многочисленные светлые проявления человеческого духа — любовь, созидание, милосердие, с другой — конфессиональная ненависть, вражда, нетерпимость. По моему убеждению, можно и нужно рассматривать все без различия явные и латентные функции Церкви. А для этого нужно не только описывать ее функционирование посредством тех смыслов и понятий, какими пользуются сами заинтересованные участники, но и посмотреть на объект исследования отстраненным, вопрошающим, немного критическим и недоверчивым взглядом.

Появление данной статьи вызвано самой атмосферой, сложившейся за последние годы в современном российском обществе. Опросы, проведенные К. Каарияйненем и Д. Фурманом, показали, что 82% респондентов-русских считают себя православными. Но эта впечатляющая цифра свидетельствует не столько о реальном воцерковлении, сколько о «проправославном» и «прорелигиозном» консенсусе в современном российском обществе. Если перейти к вопросам, «непосредственно касающимся веры, — не веры в пользу церкви, ценности православия и “православной цивилизации”, а веры в Бога и религиозные догматы православия», то можно обнаружить крайне низкую степень религиозности среди русских: 6–7%. Иными словами, «для части современных русских можно быть приверженцем определенного вероучения, не будучи верующим»¹.

Не удивительно, что в подобной ситуации православные верующие настаивают на введении курса «Основы православной культуры» в государственных школах. Приведем мнение по этому поводу французского социолога Франсуа Дюбе, высказанное им в лекции

«Какое место должна занимать религия в школе» (прочитана в Москве 11 февраля 2003 года): «Задача демократических обществ сделать так, чтобы люди разных религий могли жить в общем пространстве, имея одинаковые права и обязанности. Это общее пространство должно находиться над всеми религиозными убеждениями. Например, для светского француза противопоставление религии и атеизма бессмысленно, француз скорее будет противопоставлять религию и свободу совести. В России же, к моему удивлению, многие сторонники религиозного просвещения аргументируют свою позицию как раз тем, что религия должна прийти в школу на смену атеизму»².

Таким образом, идеологические споры в системе координат «традиционная религия — атеизм» обусловлены скорее социально-историческим контекстом, а не объективной неизбежностью. Что касается моего исследования, то моя личная авторская позиция такова: не атеизм и не клерикализм, а конституционный принцип свободы совести и отделения церкви от государства. Я не считаю религиозную веру «ложным сознанием» (классическое марксистское определение); я вижу в ней *идеологическую конструкцию*, особым образом конституируемое мировоззрение. Официальное же православие, как мне кажется, является частью *религиозно-националистической* идеологической конструкции.

Идеология основана на убеждении, что только она обладает «Истиной», единственной и уникальной. Апеллируя к подобной истине, РПЦ настаивает на том, что корень всех проблем современного российского общества — «бездуховность» = «отход от православия». Однако еще в 1929 году было сказано, что после обнаружения бессознательных мотивов поведения «уже невозможно жить так, как мы жили раньше»: скрывать от себя плюрализм мышления и думать, что «истина как таковая не запятнана»³.

Идеология и «медиазация культуры»

Предмет данного исследования — православный религиозно-националистический антиглобалистский дискурс, стратегия исследования — анализ интерпретативных практик на примере идеологических текстов. В качестве объекта исследования я выбрала официальный сайт Сретенского монастыря «Православие.Ру». Это пример того, как новейшие технологии используются в целях идеологической пропаганды.

Важнейшим инструментом идеологии в современном обществе считается массовая коммуникация. Ее институционализация и расширение вещательных сетей делают доступными для постоянно увеличивающегося количества людей коммерциализированные символы, являющиеся формой идеологии. Дж. Томпсон вводит понятие *mediation of culture*. Медиазация культуры — это производная от модернизации общества культурная трансформация, в результате которой передача символических форм опосредуется технологическими и институционализированными аппаратами медиа-индустрии⁴. Современный мир, согласно Томпсону, насыщен коммуникационными сетями, опыт отдельного человека все более опосредуется технологическими системами производства и передачи символов — носителей идеологии. В ходе развития медийных технологий создаются новые способы презентации идеологий.

В настоящее время в российском Интернете насчитывается от 500 до 700 религиозных сайтов. Из них около трехсот — православные⁵; большинство их, однако, пребывают в неразвитом состоянии. Цели их создания — размещение информации об отдельных приходах, монастырях, страниц с банковскими реквизитами для пожертвований. Имеются также сайты Синодальных учреждений РПЦ и Поместных Церквей. Популярностью пользуются крупные информационные православные серверы. Реально действуют около 50 сайтов, и лишь несколько из них находятся под попечительством Церкви. Причина выбора в качестве объекта исследования сайта Сретенского монастыря — его наибольшая, по сравнению с другими православными ресурсами, репрезентативность. Здесь размещаются публицистические статьи, освещающие внутреннюю жизнь Церкви, ее участие в общественной жизни и отношение к современным проблемам. В отличие от сайта ОВЦС — другого крупного Интернет-проекта Церкви, знакомящего с сугубо официальными заявлениями руководства РПЦ⁶, на сайте Сретенского монастыря размещены публицистические полемические статьи, представляющие собой ценный источник для исследователя. Сайт «Православие.Ру» — и самый популярный среди всех религиозных ресурсов Рунета. По данным рейтинга Rambler Top 100, он имеет самую высокую посещаемость; он также выделяется высокой степенью аналитической насыщенности и частой обновляемостью.

Николай Митрохин считает, что для «Православия.Ру», как и для двух других православных сайтов, «Русской линии» (www.rusk.ru) и «Радонежа» (www.radonezh.orthodoxy.ru) характерны фундамента-

листкая ориентация, монархические, антисемитские, антиглобалистские взгляды, стремление прикрывать религиозной риторикой политическую деятельность. Сайт этот создан «православной общественностью» или, по определению Митрохина, «людьми, которые считают себя членами РПЦ, занимаются обсуждением в Интернете ее проблем и делают это вне очевидного контроля со стороны официальных структур церкви»⁷. Тем не менее мне кажется, что рассматривать сайт «Православие.Ру» как маргинальный по отношению к официальной позиции, выражающий специфическую точку зрения отдельных групп верующих, не совсем верно. Более того, для выявления дискурсивных механизмов, с помощью которых творится современная православная идеология, «Православие.Ру» представляет особый интерес. Сретенский мужской монастырь в Москве — ставропигиальный, то есть им управляет Святейший Патриарх Алексий II (наместник — архимандрит Тихон). Поэтому Сретенский монастырь находится в центре официальной жизни РПЦ. Тексты, размещаемые на его сайте, я рассматриваю как открытое выражение средствами конвенциональной интерпретации идеологических тенденций внутри современного русского православия.

Теория «идеологической отстежки»

В своей работе я буду использовать так называемую «теорию отстежки». Она основывается на психоаналитической критике идеологической конструкции, представленной современным политическим философом Славоем Жижекком в книге «Возвышенный объект идеологии». Идеологическая конструкция — это рамка, в которую отливается мысль субъекта. Рамка структурирует социальную действительность и упорядочивает межсубъектные отношения. Благодаря ей, субъект обретает свое место в *символическом порядке*, видение смысла этого порядка. Символический порядок — формальный порядок, порядок, определяемый социальной действительностью и сам определяющий форму мысли. Чтобы стать частью такого порядка, необходимо его обосновать идеологически. «Идеология — это не просто... иллюзорная репрезентация действительности, скорее идеология есть сама эта действительность, которая уже должна пониматься как “идеологическая”»⁸. Идеологическая конструкция задает модус повседневного опыта, установку на стирание следов собственной непоследовательности и противоречивости. Жижек сами

основы мышления и социальной действительности полагает «идеологизированными».

«Деидеологизацию» этих основ начал Карл Манхейм в своей книге «Идеология и утопия». Задачей его было показать, каким образом мышление «функционирует в качестве орудия коллективного действия в общественной жизни и в политике»⁹. Идеи он считал «функциями социального бытия субъекта»¹⁰, идеологию разделял на *частичную* и *тотальную*. Посредством частичной идеологии происходит намеренное искажение действительных фактов, будь то сокрытие несоответствия идей совершаемым действиям под влиянием «витального инстинкта» или сознательная ложь, то есть не самообман, а обман других. Под тотальной идеологией подразумевается характер структуры сознания конкретной эпохи или группы. Критика частичной идеологии ставит под сомнение отдельные высказывания оппонента, критика тотальной — его мировоззрение в целом; первая анализирует психологию интереса, вторая — «структурно-аналитическое или морфологическое соответствие между бытием и формой познания».

Жижек пошел дальше. Как часть символической системы, субъект конституируется тем, что Жижек называет «идеологическим неузнаванием». Чтобы понять, что это такое, надо иметь в виду следующее: сердцевину «неузнавания» составляет самодостаточная вера, предшествующая любому обоснованию ее «истинности»; а на вере держится неосознаваемая иллюзия — *идеологический фантазм*, регулирующий социальную действительность на том самом уровне, на котором идеология ее конструирует. Теория Жижека, в отличие от теории Манхейма, позволяет объяснить, почему идеологии продолжают функционировать даже после того, как были подвергнуты критике. Обман идеологии заключается «не в том, что ложь выдается за истину, а в том, что истина выдается за ложь».

Критика идеологической конструкции включает в себя три этапа.

Социально-исторический анализ. Идеологическая конструкция существует в контексте конкретных исторических и социальных условий, определяющих ее *возвышенный объект*. Что имеется в виду? В моем исследовании внимание уделяется прежде всего анализу соперничества в постсоветской России двух идеологических конструкций — православной и либеральной. Но соперничество и борьба идеологий — это и есть спор о возвышенном объекте. Благодаря идеологии субъект обретает форму своего предельного интереса — кровную заинтересованность в объекте, исключенном из повседневно-

ной социальной рутины, приподнятом над ней, то есть — «возвышенном». Вера в возвышенный объект требует полной отдачи, взамен же дает символически неопределенное обещание исполнения «подлинного» бытия человека. Возвышенный объект — объект желаний, принадлежащий одновременно двум уровням: трансцендентному (как нечто сакральное) и имманентному (как нечто, надежденное символическими атрибутами и совершающее действие); он воплощает в себе непрестанную неудачу репрезентации Реального, овеществляет абсолютную негативность Идеи, ее несоответствие действительности. Он Бог, Общая Воля, Созидание, вечное мистическое тело; но персонифицируется он в образе упорядочивающего социальную действительность Суверена — в церкви, короле, государстве, нации, народе, партии, земном успехе.

Дискурсивный анализ. При нем идеологический текст рассматривается как результат упорядочения плавающих внутри идеологического поля *означающих*. Это упорядочение достигается посредством введения (интервенции) так называемых *точек пристежки*. Процесс «пристеживания» — тотализация и фиксирование свободного течения протоидеологических элементов — задает конкретному идеологическому полю *идентичность*. Эта идентичность определяется ретроактивно: элементы идеологического поля связывает метафорическая избыточность, которая оказывается одновременно и сокрытой, и проявленной в словах символической системы, появляющейся уже **после** осуществления процесса пристеживания. Цель дискурсивного анализа — выявить точки пристежки, механизм *эквиваленции* (объединения, связывания) означающих идеологической конструкции. Точки пристежки — ставки в борьбе между конкурирующими идеологиями, поэтому они хорошо «открываются» в идеологических спорах. Я выявляю их в критике православием его главного противника — либеральной идеологии.

Выявление наслаждения. На данном этапе необходимо объяснить, каким образом идеология захватывает желание идеологического субъекта — индоктринированного индивида. Цель процедуры заключается в «выведении на свет наслаждения», являющегося своего рода **пред-**идеологическим фундаментом идеологической конструкции. Наслаждение понимается как экзистенциальное стремление человека к удовольствию сверх возможного его удовлетворения: поэтому оно рождает в человеке отчаяние, стремление разрушить символический порядок («влечение к смерти»). Идеология позволяет «культивировать» невозможное наслаждение, позволяет вывести его

за рамки символического порядка. Но для этого нужна *идеологическая фигура*, иначе говоря — параноидальный конструктор Другого-Врага, на которого с помощью механизма *смещения/сгущения* переносится запретное наслаждение самого субъекта. Смещение позволяет представить антагонизм между символическим порядком и субъектами, «расщепленными наслаждением», антагонизмом между «здоровыми» силами, укрепляющими социальное тело, и «деструктивными», разлагающими его. С помощью же сгущения идеологическая фигура наделяется предельными характеристиками, объединяет в себе самые разнородные противоречия (экономические, политические, национальные, морально-религиозные, сексуальные) и в итоге воспринимается как «болезнь общественного организма».

Итак, при анализе православных идеологических текстов я попытаюсь определить их возвышенный объект, найти точки пристрастия и идеологические фигуры, а также выявить скрытое в них наслаждение, присущее индоктринированному субъекту.

Борьба за «точки пристрастия»: православие *versus* либерализм

Перформативный механизм советской идеологии, в которой неизменным означающим термина «народ» был императив «поддерживать руководящую роль партии», разоблачен как механизм сокрытия личной корысти партийных лидеров. Но утрата означающего привела постсоветского россиянина к кризису идентичности, обнажившему беспомощность субъекта перед тревогой небытия. Современная православная идеология предлагает заполнить возникший идеологический вакуум идеологической конструкцией «русский — православный». Конструкция эта не столько сакральная, сколько националистическая. Классический религиозный ресурс — авторитет божественного — дополняется современным «демократическим» ресурсом — авторитетом народа, а также поиском национальной традиции, обращением к прошлому. Отсылка к Богу наполняет демократического субъекта моральным смыслом, очищенным от дискредитировавшей себя идеологии как коммунистической, так и либеральной. Понятие «Бог» функционирует в качестве возвышенного объекта православной идеологической конструкции. Возвышенный объект, исключенный из рутины человеческих страстей и слабостей, становится символом «настоящей» свободы субъекта от

антагонизмов социальной действительности, дает возможность приблизиться к Реальному. Идентичность русского обретается через обращение к национальной истории, к своей «традиционной» религии — православию. Прошлое оказывается идеалом, оно недосягаемо, трансцендентно, подобно Богу; оно — то, что было и чего уже нет, означающее нехватки, утраты. Ориентация на него — способ вписать в символический порядок невозможность наслаждения. Мифы об утраченных Рае, Золотом Веке, Традиции играют роль Другого; они подставляют зеркала, в которых субъект разглядывает свое лицо и видит свои неповторимые (в отличие от Другого), но узнаваемые (в схожести с Другим) черты, свою идентичность.

Современное православие противопоставляет себя светским идеологиям. В связи с тем, что коммунистическое учение себя дискредитировало, основным идеологическим Врагом в православной конструкции оказывается «либерализм» — символ современного секулярного мировоззрения, основанного на принципах гуманизма, демократии и материалистических ценностей. Возвышенный объект либерализма — человек и его земной Успех. Поэтому в православной идеологии либерализм представлен идеологической фигурой Ростовщика. Идеологические протагонисты, то есть Ростовщик и Бог, ведут борьбу за точки пристежки: «личность», «закон», «равенство», «свободу», «разум», «демократию», «солидарность», «счастье», «правду», «истину», «любовь», «здоровье». Либеральную интерпретацию этих понятий православная идеология обличает как иллюзорную и лживую. Так происходит отстежка означающих, появляется возможность осуществить новую (православную) идеологическую пристежку в соответствии с предзаданным символическим порядком, который необходимо идеологически оправдать.

Личность. Православие приписывает человеку два начала: божественное и животное. Человеческое тело, по церковному учению, служит «храмом Святого Духа». «Подлинная» личность строится посредством актуализации божественной природы, отчуждение же от «истинных» метафизических корней своей божественной природы приводит человека к «зверению». У индивидуализированного субъекта либеральной идеологии опустошена душа и утрачена личность.

Закон. Он должен подчиняться религиозному канону, а всякая земная власть — Богу. Бог является Сувереном, обладает верховной властью, и поэтому каждый человек должен «служить» Богу. Бог — и верховный Законодатель, определяющий абсолютные критерии добра и зла. А вот для либерализма закон обусловлен «материальным

процветанием», «денежным абсолютизмом», «воинствующим экономизмом» и «юридическим фетишизмом». Православие противопоставляет право правде. Жизнь по праву (либерализм) отождествляется с «конкуренцией», «соперничеством», «враждой»; жизнь по правде (православие) — с «дружбой», «любовью», «согласием». Короче, классическое противопоставление Ф. Тённиса: *Gesellschaft* versus *Gemeinschaft*.

Равенство. Православное равенство имеет этическое, а не правовое (как в либерализме) и экономическое содержание. Это равенство людей перед Богом. Жизнь, воля, способности человека суть «Дары Святого Духа». Место человека в земной иерархии зависит от Бога (а не от социального и политического строя), социальный статус определяется служением Богу. При этом признается одинаковая ценность человеческих жизней: они не могут быть средствами для достижения земных целей, что свойственно, с точки зрения православия, либеральному прагматизму.

Свобода. В православном понимании она возможна лишь в рамках религиозного канона. Свобода бывает «подлинная» или «внутренняя» и «ложная» или «внешняя». Внутренняя свобода — это свобода духа, свобода от греха, внешняя — не более чем «земная иллюзия» либерализма, пренебрегающего истиной о невозможности достичь божественного в земной жизни. Либерализм «освобождает» земную природу и вводит человека в грех — человек искушается наслаждением. Либеральная «свобода без границ» — всего лишь «свобода плоти», ее следствия — отчуждение, рефлексия, отрицание абсолютных моральных критериев, гедонизм, утрата гармонии с миром.

Данная логика православной идеологической эквиваленции через точку пристежки «свобода» отчетливо видна в статье «Общество счастливых рабов»¹¹. Автор, Никон Зайцев, создает своего рода антиутопию. В ней человечество ожидает «полностью прозрачное общество», где с помощью пластиковых карт, штрих-кодов, микрочипов, вживленных в человеческое тело, осуществляется глобальный электронный контроль за каждым индивидом. Для автора такое «общество тотальной СВОБОДЫ» есть не что иное как «общество рабов». В условиях тотального контроля над сферой частного «несовершенные люди с их животными желаниями» не смогут ничего скрывать, поэтому в «новом мире» будет иная мораль: «перестанет существовать запрет на супружескую измену», поскольку «абсолютная супружеская верность невозможна, что доказал тысячелетний опыт человечества».

В тексте в образе США появляется Другой, предположительно верящий. В США пластиковые карты, штрих-коды, электронные деньги — элементы повседневности, американцы выступают за массовую дактилоскопию, автоматическую идентификацию личности, вживление микрочипов в тело человека. Они верят в пользу «идеологии прозрачности», и в этом их «наивность»: «Американцы, ратующие за свободу и демократию — народ жесткий». Ложному сознанию Другого («Если я не собираюсь предпринимать ничего противоправного, мне нечего бояться») автор противопоставляет «просвещенное знание» своего коллектива: «Наши люди, отягощенные непростой исторической памятью, сразу же вспомнят Оруэлла, Замятина, Хаксли, Кафку».

Другой — это также тот, кто наслаждается и смеется, кто делает субъекта «отверженным», «экзотическим отщепенцем» («Вероятная поголовная “чипизация” породит свой класс отверженных — людей, которые по идеологическим или религиозным соображениям будут уклоняться от подобной процедуры <...> прослойка эта будет немногочисленной, как любая прослойка экзотических отщепенцев...»¹²). Референции к Другому, помогающие преобразовать *ressentiment* в чувство исключительности и групповую идентичность, — это форма сокрытия наслаждения. Страхи перед технократией и социальной маргинализацией оказываются в тексте лишь «вступлением», тогда как «основная часть», то есть главный страх — это страх перед снятием запрета с наслаждения.

Наслаждение прямо связывается с властью: «Русские боятся полностью прозрачного общества из-за возможных злоупотреблений власти: “А вдруг не только с санкции судьи или прокурора кто-то решит узнать, где я был и что делал?! Пускай я даже не делал ничего противоправного, но кто помешает моей жене узнать, например, про мою любовницу?”»¹³. Переход от воспоминаний о советском режиме к «обманутой жене», от нарушения закона — к «любовнице» актуализирует предидеологический элемент идеологической конструкции, в которой точкой пристежки служит «свобода», а возвышенный объект — «мораль». Бессубъектная власть-знание, вполне по Мишелю Фуко¹⁴, устанавливает моральный порядок.

Антитеза «свобода — рабство» может быть понята с точки зрения тревоги наслаждения. Снятие запрета на наслаждение должно восприниматься как освобождение от идеологического пристегивания. Но для автора, который мыслит идеологическими категориями, «освобождение» означает, напротив, зависимость от наслаждения:

человек становится «рабом животных страстей», а технократия, лишающая «тайны запретного», отнимает у него «возвышенное».

Разум. Либеральному сциентизму православие противопоставляет веру в Высший Разум — Бога. Рациональность в православии — следствие подчинения разума добру. Сциентистское сознание уповает только на разум, поэтому оказывается бессмысленной, «иррациональной» и разрушительной силой, а его носитель — будь то западный интеллектуал или русский интеллигент — человеком с «извращенным» болезненным умом, не способным принять «простые евангельские истины». С таким пониманием разумного православие не может не относиться негативно к прогрессу. Просвещенческая ценность прогресса пристегивается православной идеологией посредством противопоставления «внутренней нищеты» и «внешнего могущества»: технический и экономический прогресс приводит к моральному вырождению, упадку культуры; для либерала прогресс — совершенствование, а для православного — деградация. Можно сказать и так: «либеральный прогресс» для православных — это прогрессирующая болезнь духа, всего человечества. Экономический рационализм, имеющий дело с «прозрачным» десакрализованным миром, наделяется атрибутами страха и вызывает у субъекта ужас.

Демократия. Православие отвергает либеральную демократию с ее процедурами выборов и волеизъявлением свободных граждан на том основании, что она делает народ «охлосом» — толпой эгоистичных индивидов, разобщенных, враждующих друг с другом и легко манипулируемых («за слепой и самодовольной охлократией всегда прячется олигархия»). Народ же должен быть «нацией» — «живым организмом», обладающим «душой», «национальным менталитетом», «характером». «Подлинная нация» становится «преемственно живущим целым, связанным духом, миросозерцанием, общими представлениями о добре и зле, общими историческими переживаниями»¹⁵. В такой нации, освященной авторитетом Бога и Традиции, воплощается «истинная» демократия, демократия «общей воли» (а не суетных «желаний количественного большинства»).

Солидарность. Мечты Французской революции о «братстве», коммунистический «интернационализм», славянофильская утопия «крестьянской общины» слились в православном понятии «соборность», часто используемом современной православной идеологией в полемике с либеральным мультикультурализмом. Православная идеология пытается совместить великодержавные амбиции СССР, идею «Москвы — Третьего Рима» и великорусского мессианства с

принципами терпимости и равноправия народов. Для этого русский народ признается «государствообразующей нацией», на протяжении всей своей истории демонстрировавшей этническую терпимость и культурную открытость. Исторический миф об «общей борьбе за жизненные интересы» должен обосновать необходимость для иных народов России признать русских своими «защитниками». Из общности исторических судеб делается вывод: «Русские — это все (независимо от этнического происхождения), осознающие себя в лоне русской культуры, те, для которых родной язык — русский»¹⁶. Общность судеб трактуется в первую очередь как опыт совместных страданий, при этом подчеркивается «жертвенность» русского народа. Для солидарности, замешанной на «тяжелых испытаниях», почти естественно наличие Врага: «Нас освободит только совместная борьба с общим поработителем. <...> Только Российская Держава позволит выжить всем народам России перед лицом грядущего жесточайшего передела ресурсов»¹⁷.

Счастье. Для православия грех гордыни, нежелание «смириться с собственным несовершенством» — причина того, что человек подменяет метафизическое понимание «счастья» материалистическим и стремится построить «царство человеческое без Бога», отказываясь от «Царства Божия». Как Запад, так и Россия «пошли по пути самопредательства», «апостасии». Между тем идеал «Святой Руси» не может быть осуществлен на земле, ибо невозможно «вместить всю полноту Его Слова»¹⁸. Но надежда есть: православная Россия «хранит метафизический Рим», а «русская идея» — это эсхатологическая идея Царства Божия, она не сводится к материальному благополучию и процветанию. Смертная жизнь «не подлинная», счастье обретается в страдании. Так православие использует идеологический прием — предположение «иного» за отвергаемой, «неприятной» социальной действительностью.

Правда. Эта точка пристрастия приобретает для православия публичную актуальность в связи с критикой светских СМИ и дебатами по поводу идеологической пропаганды, объективности информации, а также в связи с присутствием РПЦ в Интернет-пространстве. «Компьютерные технологии не цель, а лишь средство. Интернет как нож: может помочь, но может и убить», — заявил на X Рождественских чтениях декан экономического факультета Российского Православного университета Э. В. Афанасьев. Убить информацией, которая, как утверждается в идеологическом дискурсе, исходит в основном из «западных источников» и «отражает многовековое отно-

шение к России как к враждебному государству, европейский снобизм и чванливость по отношению к российской самобытности»¹⁹. Главный объект «разрушительной работы» Запада, конечно же, РПЦ; в этом качестве она даже называется преемницей СССР. Поэтому «русские патриоты» должны «оснащаться интеллектуальными доспехами при работе с множасимися и нарастающими потоками информации в мире и в сетях Интернета в частности»²⁰.

В православной идеологической конструкции информация воспринимается через точку пристрастия «нравственность», так что целью массовой информации должна стать не правда, а «духовность» = «воспитание людей». Фактически, благодаря возвышенному объекту, обретает легитимность лицемерие = сознательный отказ от «правды». Благодаря же точке пристрастия антагонизм между идеологическими конструкциями Церкви и светских СМИ смещается на борьбу с «хулением имени Божия», «кощунством», «искажением информации о церковной жизни», «клеветой на Церковь и ее служителей».

По существу, претендуя на «деидеологизированность», православная идеология оказывается «просвещенным ложным сознанием», провозглашающим своей целью «свободу», которая должна быть достигнута благодаря влиянию на СМИ «русских православных патриотов». Пропаганда одной идеологии сменяется другой пропагандой.

Истина. Либеральные идеалы гуманизма, обновления общества, благополучия, прав человека объявляются ложными, так как не служат возвышенному объекту православия, «истине». Идеологический страх перед ними скрывает предидеологическую тревогу наслаждения. Поэтому критика идеологии российских либералов редуцируется в моральное обличение: «Они попросту не умеют существовать и плодотворно трудиться вне мутноватой среды всевозможных спекуляций, сенсаций, скандалов и прочей рекламно-порнографической суеты»²¹. Страх перед наслаждением должен, по логике идеологической конструкции, привести к возвышенному объекту, к «истинному Богу».

Любовь. В статье православного литературоведа Б. Тарасова ложность либерализма доказывается ссылкой на авторитет Достоевского, одного из героев православной идеологической конструкции. Есть в ней и такой пассаж: «В подаренном писателю женами декабристов Евангелии отмечены слова из “Откровения Иоанна Богослова” о звере с семью головами и десятью рогами, на котором восседала облаченная в порфиру и багряницу жена “с золотой чашею в руке

своей, наполненной мерзостями и нечистойю блудодея ея». На теле же жены написано имя: «Тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным»²². Сюжет с Евангелием может служить яркой иллюстрацией идеологической борьбы за «женщину» и точку пристежки «любовь». Жены декабристов, которые дарят Евангелие, и вавилонская блудница — эта антитеза оказывается знаковой для православной идеологии, современная версия которой акцентирует противопоставление традиционной семейной морали и идеи «свободной любви» (внебрачной сексуальности). Либерализм с его «правами человека» — прямая дорога к «пороку» и «извращению», к «культуре-рока-секса-наркотиков», идеологии «планирования семьи» и «сексуального просвещения». «Распушенность как эталон, извращение как норма»²³ — так выглядит либеральная свобода индивида сквозь идеологический фантазм.

Здоровье. Современное общество объявляется «большим организмом». Его «раковые опухоли» — экономический и демографический кризис, упадок государственности, моральная деградация, утрата семейных ценностей. Идеологически объясняя болезни общества, православие использует механизм смещения — причиной кризиса становится отказ от традиционной морали и внедрение западного либерализма. «Нормальными» и «правильными» были традиционные модели поведения, однако они исказились в современном обществе, воспринявшем чужие западные ценности. Изменился и традиционный процесс воспитания. Свидетельств тому — масса. Тут и пропаганда «репродуктивных прав» и «сексуального просвещения», провоцирующая падение рождаемости, массовое бесплодие, а значит, вырождение рода; и «феминизация мужчин» и «маскулинизация женщин»; и даже «искажение эталонов женской красоты» («женщины излишне худы, в них отсутствует “женское начало”, у них неразвита грудь, растрепанные волосы, резкие манеры, мальчишеский облик, они курят и пьют, наравне с мужчинами») ²⁴.

Панацеей православие считает православие же — «возрождение традиционной морали», усиление влияния Церкви на светскую жизнь, прежде всего на процесс воспитания. Надо создать «национально-ориентированную» систему образования с сильной «духовно-нравственной составляющей». Школа должна быть ориентирована на традиционные религиозные, семейные и национально-патриотические идеалы. Концепция образования должна строиться в соответствии со следующими «особенностями русской культуры»: нестяжание (предпочтение духовных благ материальным), соборность

(объединение свободных людей на основе христианских ценностей), общинный дух (добровольное подчинение личных интересов общественным, «жизнь по совести»). В общем, духовное и физическое здоровье нации недостижимы вне православной идеологической конструкции.

Идеологические фигуры православия

Православный дискурс, на мой взгляд, оперирует в основном идеологическими фигурами Ростовщика, Еврея, Католика, Сектанта, Сатаниста, Оккультиста, Раствителя.

Ростовщик. Уже отмечалось, что для православия идеологическая фигура Ростовщика тождественна Западу — «колонии усиленного питания», где господствуют греховные «потребительские ценности», символу материалистической бездуховности, бросающей вызов Богу и Традиции. «Самый опасный» Враг православных — США, потому что «Европа сдалась Америке», мечта которой — «разрушение традиции». «Янкизм» восходит к альбигойской ереси, породившей кальвинизм, — «воинственную» веру в богоизбранность с ее делением людей на «нужных» и «ненужных». Американец — это ростовщик, полагающий себя «орудием Бога» и ненавидящий православного субъекта, против которого непрестанно замышляет преступления.

За Другим субъект предполагает «волю к власти». США потому источник угрозы, что стремятся к «мировому господству». Этапами в процессе установления «нового мирового порядка» были «расчленение СССР» и «агрессия против суверенной Югославии». События 11 сентября 2001 года знаменовали «новый этап в переделе мира» — начало стратегии, в ходе реализации которой теракты создают «нужный повод». Эскалация насилия — средство распространения влияния «англосаксонского пуританизма». Этому замыслу православная идеология противопоставляет православную имперскую утопию «Москва — Третий Рим».

Глобализация посредством введения означивших «безопасность мира», «правопорядок», «суверенитет людей и народа», «свобода» и «солидарность» отождествляется с «разрушением», с угрозой для мира, безопасности, свободы, суверенитета, с тоталитаризмом и в конечном счете — со Злом. А механизм смещения помогает выстроить идеологический антагонизм: богатый (США) — бедный (Россия),

сильный (в военном отношении) — слабый. «Здесь пропасть, которая раскалывает мир, и края этой пропасти продолжают расходиться»²⁵.

Страх православного субъекта перед идеологической фигурой Ростовщика сгущается в рецензии А. Миронова на фильм Н. Михалкова «Сибирский цирюльник»²⁶. Отношение к этому фильму, по мнению рецензента, служит своего рода «лакмусовой бумажкой» в системе «свой — чужой». Свои — это те, кто «болеет за Россию, ходит в церковь, является противником абортотворцев и так далее», чужие — «западники, культурологи, феминистки, педерасты и прочие российские инопланетяне».

Россия ассоциируется с образами «прекрасного, мирного русского леса», «тайги», «русского мужика», с «нравственной чистотой», «красотой» и «любовью», Америка — с военной угрозой, с боеголовками; она разрушает «родное», понимаемое как система родственных, личных отношений и тесных эмоциональных связей. В тексте рецензии появляются еще три многозначных образа (три означающих). Это «железная дорога» — «черный разрез, проложенный европейским консервным ножом в прекрасной, умной (sic!) мерзлоте русского леса». Это «поезд» — «самый грубый, почти брутальный, неэстетичный, и вместе с тем мистический вид транспорта — всегда символ тупого действия некоей высшей силы — чаще недоброй, роковой, бездушной, необоримой, разлучающей людей, разрушающей человеческие судьбы». И это «американская машина» — символ зла, разрушающей, мощной западной техники и модернизации, «железная дрянь, хитроумная заморская машина», вторгающаяся в Россию. Но едва ли не предельным воплощением зла в рецензии оказывается Джейн. Эта «напористая цирюльница», «железная американка» явилась из «американского мира развратников-отчимов, лолит и бессердечных матерей», чтобы «соблазнить» юнкера Толстого, «православного мальчика, воспитанного в образцовом военном училище», и разрушить его «полудетское прошлое». Наконец, для усиления создаваемых им образов автор обращается к русскому фольклору и русской литературе: американская техника сравнивается со «стальными зубами залетевшего на Русь Змея Горыныча», Джейн — с «полурусским» Евгением Онегиным, а юнкер Толстой — с «невинной, честной и любящей» Татьяной Лариной.

Посредством идеологической символики автор как бы придает законную силу своему наслаждению: его намерение утвердиться в качестве писателя, патриота и морального индивида и стремление избавиться от запретного смыкаются на идеологической фигуре

распутной женщины. Идеологические оппозиции «блуд — невинность», «продажность — супружеская верность» «сила — слабость» суть традиционные православные представления о «правильной» и «неправильной» женственности — о пассивной добродетельной жене-матери и активной вавилонской блуднице. Символический порядок подкрепляется также современной антитезой-эквиваленцией греховного — образами «эмансипированных феминисток» и «гомосексуалистов», смещением феминного и маскулинного. Маскулинизацию Джейн (Онегин) и феминизацию Толстого (Татьяна) можно интерпретировать как выражение страха субъекта перед угрозой утраты собственной идентичности — «мужественности».

Мужественность — это и символическое предназначение, о котором, как полагает субъект, «знает» Другой, выполняющий функцию смеющегося. Смех Другого — тоже угроза идентичности, ведь он смеется над субъектом за его «слабость»: «На каждого патриота, сердцем сопереживающего бедному юнкеру, найдется эмансипированная феминистка (защитница валеологии и рационального планирования семьи), в глазах которой “жалкий невротик” в исполнении Меньшикова попросту смешон».

Другой-смеющийся является также Другим, предположительно наслаждающимся. С учетом этого субъект начинает говорить на языке идеологии. Запретное наслаждение прикрывается дискурсом о моральном, озлобленность — зубоскальством, с одной стороны, утверждением осмеянной идентичности в качестве символа идеологического интереса, с другой: «...Дым, дым, дым — вот и все, что остается, когда американская машина уезжает прочь из так и не вырубленного леса. Россия большая, она поглощает и гасит всякую иноземную модную гадость. В этой грязной сибирской дороге увязают гусеницы, колеса и сапоги разных иноземных цирюльников. Железный дровосек будет всю жизнь скитаться по Сибири и рубить дерево за деревом, но новый лес вырастает позади. Это — забавный образ вечного жида, вечного янки, заблудившегося и скитающегося по тайге, как одинокая вошь скитается в бородине русского мужика».

Россия, представленная поначалу в образе «женственной» Татьяны-юнкера, превращается в варвара «мужика с бородой». «Мужик» — тот же народ, «женщина» и «народ» — пассивные начала, природные и стихийные. «Дровосек» же — активная, «мужская», искусственная сила, чуждая истинной России. Спасает Россию «сила чужой любви», «супружеская верность и нравственная чистота». Это и есть идеологизация наслаждения, наложение на него запрета.

Еврей. Геополитические противоречия отождествляются в православной идеологической конструкции с религиозным антагонизмом. Воинствующий Ростовщик (США) защищает Еврея (Израиль). Глобализация рассматривается в перспективе угрозы сионизма = иудаизма и протестантизма; тем самым православие «раскрывает тайну» мировой истории, ее смысл: «Неосведомленность в религиозно-философских основах истории заслоняет причину, почему сионисты... делали и делают ставку в своих планах прежде всего на англосаксов. Известный адвокат этой идеи в британском парламенте Локер-Лампсон писал в одном из лондонских еженедельников: «Ллойд-Джордж, Бальфур и я — все мы были воспитаны как ярые протестанты, верившие, что приход нового Спасителя совершится после возвращения Палестины евреям»». Именно это было мессианской идеей Кромвеля и его хилиастов, а также воззрением большинства протестантских сект и кальвинистских церквей в США. Англосаксонский пуританизм — наибольший отход от Нового Завета к Ветхому Завету, и поэтому лидеры сионистского движения... находили идеологическое понимание в политических кругах США и Англии еще до того, как за океаном окончательно обосновался мировой финансовый центр»²⁷. Еврейство — исторический противник: «...Восточноевропейские евреи взяли курс на революцию (октябрьскую 1917 года. — В. К.) в последней православной империи»²⁸. Враг действует, разумеется, «тайно», ведет «закулисную борьбу»: «Нет сомнения, что израильские спецслужбы умеют использовать и направлять арабские экстремистские организации и фанатиков так же, как ЦРУ использовало моджахедов и Талибан»²⁹.

Католик. В православной идеологической конструкции в качестве Другого-Врага выступает и римский католицизм. Для православных он «источник бед», а также референт исторической памяти, оставивший в ней такие зарубки, как агрессия Ливонского ордена в XIII веке, насаждение Флорентийской унии в XV, Смутное время, Брестская уния и преследования поляками православных в западнорусских землях в XVI—XVIII веках, сотрудничество католиков с большевиками и обновленцами в 1920-х годах. В данном случае инаковость Другого только усиливается близостью к субъекту; субъект конструирует свою идентичность посредством осознания различия и сходства с Другим, интерпретируемым идеологическим образом, и тогда католицизм оказывается «самым опасным иноверием»: «В ряду других ложных учений оно стоит наиболее близко к Православию, а наиболее опасна та ложь, которая похожа на правду»³⁰.

Место католицизма в идеологической конструкции определяется означаемым «сильная Россия». Пропаганда иноверия в России свидетельствует о ее «слабости» и «зависимости» от Запада, католицизм — «символ Запада», поэтому он враг не только РПЦ, но и всей России. Католицизм «претендует на всемирное господство», католический прозелитизм покушается на «каноническую территорию РПЦ», все это — «грабеж», «духовное мародерство». В идеологической борьбе сопрягаются несовместимые друг с другом словесные формулы («церкви-сестры», «принцип свободы совести», «каноническая территория»), язык пытается согласовать противоборствующие идеологии и распределить между ними право на сакральное (а значит, на территорию, людские, экономические, политические ресурсы). Другой персонифицируется в Папе Римском, нога которого «не должна ступать на русскую землю». За идеологической фигурой католицизма проглядывает образ «истинного» Врага — США. Тут опять действует механизм сгущения: споры между РПЦ и Римом аккумулируют в себе беспокойство, рассеянное в идеологическом поле («дело касается отнюдь не только церковных отношений»³¹).

Решение Ватикана от 11 февраля 2002 года о преобразовании четырех апостольских администратур в епархии с центрами в Москве, Саратове, Новосибирске, Иркутске интерпретируется как «дележ» России, страдающей от политической и экономической нестабильности, раздираемой внешними и внутренними врагами. Идеологическое сгущение позволяет раскрыть «тайный замысел» Другого, логику завоевания России Другим: сначала он присылает «купца», за ним следует католический миссионер, а потом наступает очередь «солдата НАТО». Сгущение происходит одновременно со смещением: РПЦ заменяется Россией, враг РПЦ — врагом России. Соответственно РПЦ объявляется «последним бастионом России», защита РПЦ — защитой российского суверенитета³².

Угроза исходит не только от внешнего Врага, но и от внутреннего. Сами русские способствуют западной экспансии. Это либералы, демократические СМИ, прозападные силы, но также «обнищавшие» россияне, прельщающиеся Другим. А также экуменистические модернистские священники в самой РПЦ: они «расшатывают изнутри» Церковь.

Главный объект «духовной экспансии» — это Украина, где вследствие «разгула дикого национализма» совершаются нападения на православные храмы. Возрождение на Западной Украине греко-католической церкви автоматически влечет за собой «насилие»,

«разрушение», «зло». Миф о «духовном единстве» украинцев и русских нуждается в идеологической фигуре, дабы можно было объяснить его несоответствие реальности. Тут-то и приходит на помощь новый Враг в лице «дикого национализма».

Вообще «дикость», «грубость», «насилие» в очередной раз запускают в идеологическом поле механизм эквиваленции. С одной стороны, обвинение Другого (украинских националистов) в «диком национализме» подразумевает цивилизованность и культурность православных. С другой, в «грубости» обвиняются США, и тогда «насилие» образует эквиваленцию с понятием «самобытность России»: «В связи с принятием Российского Закона о свободе совести мы услышали грубый окрик не только от властей США, считающих себя хозяевами всего мира, но и из Ватикана»³³. («Окрик» в данном случае — это вопрос Другого, понуждающий субъекта давать ответ.) Кроме того, «дикость» может смещаться с Другого на субъекта, чем облегчается конструирование идеологической идентичности субъекта. Представление о «глобальной стратегии Запада по отношению к России» постулируется следующим образом: «Показать всему миру, что на наших огромных просторах обитают люди сплошь дикие, по определению неспособные управлять такими территориями и имеющимися у них вооружениями и производственными мощностями»³⁴.

Эквиваленция осуществляется и посредством акцентирования «неожиданности» действий Ватикана («нож в спину», «внезапное» учреждение епархий). Неожиданность в данном случае — характеристика не столько социальной действительности, сколько таинственности Врага. Показательна фраза: «Как известно, 11 февраля этого года Ватикан принял неожиданное решение»³⁵: Другой должен быть непредсказуем по определению. Даже действуя открыто, он обязательно что-то замышляет. Главное, что он опасен. Еще в статье «Не все дороги ведут в Рим», опубликованной в 2000 году, православные «раскрыли» тайну католиков, названную через два года «неожиданностью»: «Как пример активной прозелитической деятельности Ватикана в России прежде всего следует указать на двукратное увеличение епархиальных структур католической церкви в России в минувшем 1999 году и образование Епископской конференции католических иерархов России <...> католики поставили в России уже четырех епископов. И хотя в настоящее время католические епархии в России формально именуется “апостольскими администратурами”, де-факто это уже полноценные епархиальные структуры. Причем, бывший нунций Ватикана в России архиепископ

Джон Буковски незадолго до своего отъезда из Москвы на одной из пресс-конференций сообщил, что в ближайших планах Ватикана — именно создание настоящих католических епархий в России»³⁶.

Итоговая эквиваленция выглядит следующим образом: «русский народ» = православная Церковь, государство = Другой = Друг, задача которого «оправдать доверие» православного народа. РПЦ выступает перед государством в качестве наделенной «моральным» содержанием общей — и по всем этим характеристикам легитимной — воли. В «легитимности» Церкви заключается превосходство «полноты церковной» над государством, у которого есть лишь «сила».

Раствитель. Это общее означающее для наркомана, гомосексуалиста, педофила, проститутки, алкоголика, больного СПИДом, планировщика³⁷, короче, всех тех, кто «лишает общество стыда». Они — отклонение от нормы, носители греха и, как таковые, подлежат изоляции от общества и лечению. Ибо заражают общество и вносят в него «болезнь». Неправославные попытки лечить общество от этой болезни, предпринимаемые сторонниками сексуального просвещения, репродуктивных прав и профилактики наркомании и СПИДа, признаются православием опасными: «вместо работы с маргиналами происходит вовлечение большинства в маргинальный образ жизни»³⁸. Апелляция к правам человека, равно как и забота о личных интересах «раствителей», суть чистейшей воды «лицемерие», маскировка тайного замысла «уничтожить общество». Единственный способ вылечить общество — внедрение православной морали.

Сатанист. Окультист. Сектант. В православной конструкции эти фигуры — естественные плоды органицистского представления об обществе. Они терзают и разлагают общественный организм, их атрибуты — «незаживающая, кровоточащая, зияющая рана», «яма», «мрак», «ад», «нестерпимая мука» и т. д. «Растущее увлечение сатанизмом отравляет поры нашего общественного организма. Если не остановить эту эпидемию, последствия будут еще чудовищней, чем от эпидемии СПИДа»³⁹.

С помощью механизма «сгущения» православный дискурс связывает фигуры сатаниста, оккультиста, сектанта с организованной преступностью, наркоторговцами, порномафией и с «культурной деградацией» — распространением «сексуальных извращений», «тяжелого рока», «разрушением семейных ценностей». Попутно обличаются «власть имущие»: и на Западе, и уже в России сектанство поддерживается «сливками общества», а судебные органы, испытывающие «влияние гомосексуалистов и педофилов», ссылаясь на

свободу совести, не преследуют «преступников» и тем самым содействуют «деградации».

Среди этих трех идеологических фигур самая опасная — сатанист. Православные тексты излагают подробности сатанистских практик: детская работорговля, ритуальные детоубийства, кража детей, педофилия, приношение в жертву животных и абортированных младенцев. Главная опасность тоталитарных сект заключается в том, что они «зомбируют» своих членов, и те жертвуют имуществом в пользу сект, покидают семьи, а дети оставляют родителей и часто совершают самоубийство. Окультизм не столь опасен, но наиболее распространен. К нему относят экстрасенсорнику, знахарство, учения Рериха, Блаватской, древнеславянское язычество, йогу, антропософию Штейнера, медитацию, астрологию и др.

Угроза персонифицируется в следующих сатанистских, оккультных, террористических, радикальных феминистских и экологических организациях и сектах: секта «Сэн Сэма», организация «Сендеро Луминосо», «красные бригады», скинхеды, неонацисты, масоны, движение «Нью-Эйдж», культ Викки, Храм Сета, Трест Люциса, Церковь Сатаны, Орден «Восточных тамплиеров», Орден «Серебряной звезды», секта Виссариона, языческая идеология «зеленых», Дианетика, Белое братство, Богородичный центр, мормоны, кришнаиты и др. Центрами распространения «деструктивных организаций» являются, прежде всего, Запад и США, откуда свобода совести проникла в Россию. Распространение «сатанинских ценностей», легализация наркотиков, педофилии, гомосексуализма, эвтаназии, насилия и жестокость, садизм и колдовство — производные глобализации. У России есть от них только одно спасение — русское православие.

В борьбе с Сатанистом, Окультистом и Сектантом точкой притяжения становится само возвышенное. Между православными и «деструктивными организациями» происходит борьба за монополию на обладание сакральным. Конкуренция вер, предоставляющих «спасение» от профанного, и соединение с возвышенным особенно актуализируется в отпоре РПЦ новым религиозными движениями, покушающимися на «каноническую территорию»: ведь она — не просто географическое пространство, а место, где возвышенное пребывает.

Обоснование необходимости бороться за «приручение сакрального» находим в интервью с иеромонахом Анатолием Берестовым, доктором медицинских наук, работающим в Центре реабилитации лиц, пострадавших от тоталитарных сект и оккультизма при патри-

аршем Крутицком подворье. Сравнивая *одитинг* (психоаналитическую методику) сайентологов с православной исповедью, он говорит: «Это наподобие нашей исповеди, только наоборот. Мы, на христианской исповеди, подходим к душе человека очень чутко, читаем при этом специальные молитвы. Ведь обычно, после того как трактор проходит и вскрывает пласт земли, идет боронование, а здесь — пласт подсознания вскрыт и — никакого “боронования”. Останется одна зияющая душевная рана, незаживающая, кровоточащая, что и приводит в конечном итоге к шизофрении»⁴⁰.

Чтобы более глубоко обосновать право на репрезентацию возвышенного, православный дискурс обращается к антитезам «благое — разрушительное», «добро — зло». РПЦ отождествляется с «благом» и «добром» — идеологическими символами, которые наделяются идеологической «рациональностью» (что должно сделать их приемлемыми для индоктринированного субъекта). Напротив, атрибуты и действия идеологических фигур Врага объявляются «иррациональными»; как следствие, Другой-Враг маргинализируется, а его «идеология» исключается из поля зрения субъекта, из сферы «человеческого»:

«Последствия глобализационного проекта будут ужасающими, причем и для его создателей.

— Но в чем же тогда логика? — изумились мы — Зачем они это затеяли?

— Не стоит искать человеческой логики в действиях сатанистов и извращенцев... У них другая, нечеловеческая логика. Она... “несовместима с жизнью”»⁴¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Каариаинен К., Фурман Д.* Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России. М.— СПб., Летний сад, 2000. С. 15.

² *Шукин И.* Французы хотят ввести религию в школу // НГ-Религии, 2003, 19 февраля.

³ *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., Юрист, 1994. С. 42.

⁴ *Thompson J.* Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Cambridge, UK, Polity Press, 1994.

⁵ О религиозных сайтах см.: *Иванов Д.* История Интернета как история мифов // НГ, 2002, 2 февраля; *Лученко К.* Новые религиозные сайты. НГ-Религии, 2002, 17 апреля; *Модель Л.* Религиозный Рунет, или не молитесь в Интернете // Планета Интернет, 2001. № 4. С. 28–31; *Перфильев Ю.* Сеть и ловцы человек // Планета Интернет, 2001. № 4. С. 19–27.

⁶ См., например: Основы Социальной концепции РПЦ // www.russian-orthodox-church.org.ru.

⁷ Митрохин Н. Интернет — миссионерское поле или зона межконфессионально-противостояния? (на примере сайтов Русской православной церкви) // Интернет и российское общество / Под ред. И. Семенова. М., Гендальф, 2002. С. 193.

⁸ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., ХЖ, 1999. С. 28.

⁹ Манхейм К. Указ. соч. С. 7.

¹⁰ Там же. С. 57.

¹¹ Зайцев Н. Общество счастливых рабов // www.pravoslavie.ru.

¹² Там же. Абзац 21 (указываются абзацы, так как нумерации страниц нет).

¹³ Там же. Абзац 27.

¹⁴ Foucault M. Power / Knowledge. New York, 1972.

¹⁵ Нарочницкая Н. Латинский Запад и Православный Восток: Два пути апостасии — один драматический итог на пороге третьего тысячелетия // www.pravoslavie.ru. Абзац 50. Все последующие публикации, на которые даются ссылки, размещены на том же сайте.

¹⁶ Аксочиц В. Русский народ — российская нация. Абзац 9.

¹⁷ Там же. Абзацы 2–3.

¹⁸ Нарочницкая Н. Указ. соч. Абзац 16.

¹⁹ Леонов Н. Интернет — обоюдоострое оружие. Абзац 8.

²⁰ Там же. Абзац 10.

²¹ Беляков О. Российские СМИ «святое Папы Римского». Абзац 8.

²² Тарасов Б. Новый Ренессанс или ускоренный Апокалипсис? Ч. 1. Абзац 28.

²³ Медведева И., Шишова Т. Страна победившего СПИДа. Абзац 41.

²⁴ Шишова Т. «Женщина и мужчина — по-разному устроенные организмы». Абзац 8.

²⁵ Максименко В. Компьютеризация воскресила мечту о господстве над миром. Абзац 9.

²⁶ Миронов А. Джейн Маккарен — железный дровосек .

²⁷ Нарочницкая Н. Европа, Азия, Ближний Восток — кто следующий? Абзац 10.

²⁸ Там же. Абзац 12.

²⁹ Там же. Абзац 5.

³⁰ Экспансия католицизма в России и последствия возможного визита Папы Римского в Москву.

³¹ Беляков О. Российские СМИ.... Абзац 2.

³² Там же. Абзац 11.

³³ Экспансия католицизма в России... Абзац 6.

³⁴ Беляков О. Указ. соч. Абзац 10.

³⁵ Там же. Абзац 2.

³⁶ Не все дороги ведут в третий Рим. Абзац 5.

³⁷ Сотрудника Российской ассоциации планирования семьи.

³⁸ Медведева И., Шишова Т. Наркотики — очень удобное средство для истребления неугодных государств. Абзац 37.

³⁹ Уйт К., Стейнберг Дж. Сатанизм распространяется как эпидемия. Абзац 9.

⁴⁰ Польнский А. «Спасите наш души!». Абзац 13.

⁴¹ Медведева И., Шишова Т. Логика глобализма. Абзац 88.